

Косырева Марина Сергеевна

канд. филол. наук, старший преподаватель

Сибирский институт управления (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Новосибирск, Новосибирская область

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА В XIX в.

***Аннотация:** в статье предлагается диахронический анализ процесса интернационализации русского словаря в XIX в. Автором отмечено, что адапционные модели пополнения интернационального состава лексики, получившие преимущественное развитие в XIX в., во многом и обеспечили благоприятную почву для интенсификации процесса заимствования русским языком обильного количества новых слов и значений в XX и начале XXI в.*

***Ключевые слова:** интерлингвистика, историческая лексикология.*

Уяснение специфики процесса интернационализации национального языка имеет большое значение для понимания современного развития субглобальных языков каковым сегодня является русский язык. Этот процесс в любом языке мира развивается неравномерно. Однако наибольший интерес в диахроническом движении языков представляют периоды формирования национальной литературной языковой нормы. Поэтому в данной работе наше внимание сконцентрировано на истории русского языка XIX в., по меткому выражению выдающегося интерлингвиста В.В. Акуленко, колебавшейся между крайностями пуризма и реславянизации [1].

Толчком к интенсификации процесса интернационализации русской лексики стала реформа слога Н.М. Карамзина, стремившегося сделать литературный язык языком художественного творчества и обеспечить ему последовательную дальнейшую европеизацию при сохранении его национально-русского характера. Понятие литературного языка распространилось и на разговорную речь.

Сторонники нового слога, выступая против галломании, ограничивали использование заимствованных слов. Н.М. Карамзину же принадлежат удачные новообразования, обычно являющиеся прямыми семантическими соответствиями слов европейских языков. Вместе с тем, он вводит и новые заимствования международного характера – главным образом термины и терминоиды из области культуры, литературы и искусства (например, *артист, дуэт, кризис, отель, полиглот, профан, симметрия, терраса, фаза* и пр.) [3].

Формирование основного ядра современного русского литературного языка завершается, как известно, в литературе 1820–1830-х гг. и прежде всего в творчестве А.С. Пушкина. На место разьединенных стилей прошлого с их особыми языковыми средствами А.С. Пушкин ставит единую национальную языковую норму, в пределах которой развивается все богатство функциональных стилей. При этом он преодолевает стилистически ограниченные галлицизмы в области фразеологии, лексики и синтаксиса, но свободно включает в язык интернационализмы [2].

Преодоление галломании в русском языке совпало с общим спадом популярности французского языка в Европе. Наполеоновские войны и разгром наполеоновской империи привели к разрушению того европейского языкового единства на французской основе, которое в XVIII в., казалось, обещало возродить в расширенной зоне прежнее латинское единство Запада. Рост национализма во многих странах выразился и в пуристической практике. Однако в русском языке пуризм не был слишком эффективным. Он не принимал общенациональных масштабов, как это было в немецком, финском, чешском, эстонском языках в XIX в.

Интернационализация русского словаря в XIX в. продолжается в ходе все более учащающихся переводов и через индивидуальное двуязычие образованных кругов русского общества. Интернациональная лексика приходит в числе заимствований прежде всего из французского языка, во вторую очередь – из немецкого. Весьма ограничена была роль английского источника, хотя англо-русские языковые контакты крепнут с 1820-х годов. Но если число непосред-

ственных исторических источников интернационализмов невелико, то этимологически они становятся намного более разнообразными. Кроме уже традиционных для русского языка классических греко-латинских слов и средневековых латинских элементов, приходящих через новые языки (как считает В.В. Акуленко, за частью таких элементов скрывались ориентализмы и гебраизмы), все больше появляется вновь образованных неоклассических терминов – результатов переосмысления классической лексики в новое время.

Кроме того, в XIX в. русский язык сам становится источником интернационализмов, распространяющихся в Западной Европе, а также в славянских языках. Русская терминология и культурно-бытовая лексика начинает проникать во многие языки Восточной Европы и Азии. Накопившиеся в русском языке XIX в. интернациональные слова и морфемы при параллелизме ряда живых и продуктивных моделей словообразования используются при создании производных, также оказывающихся интернационализмами и имеющих сходные соответствия в ряде европейских языков.

В XIX в. начинает остро ощущаться недостаточность лексики отвлеченного и терминологического характера при одновременном параллелизме средств выражения многих новых понятий. Эти факторы стимулируют появление множества новых слов и переосмысление ряда старых. Причем, среди новых слов преобладали заимствования интернационального характера, переосмыслению же подвергалась только незаимствованная лексика. Эти процессы протекали в ходе постепенного упорядочения лексических норм, семантико-стилистического размежевания синонимов, устранения формальной вариантности заимствований.

Постепенное упрочение нормы снимает ограничения на пути прямых заимствований, количество которых значительно возрастает за счет калькирования. Однако именно в это время прекращаются попытки калькирования интернациональных греко-латинских терминов, которые, пройдя необходимую фонетико-графическую адаптацию, включаются непосредственно в язык. Заимствования 1830–40-х годов приносят многочисленную общественно-политическую и книж-

ную лексику общего характера, философскую и литературно-эстетическую терминологию интернационального характера. Новая волна заимствований приходится на 1860–70-е годы, когда в русский язык приходит научно-техническая и общественно-политическая терминология, а также книжная неспециальная лексика. Одновременно активно осваиваются заимствования предшествующего периода: упорядочиваются их фонетико-графическая форма и грамматические особенности, многие слова частично переосмысливаются, а сфера их применения расширяется: интернациональная научная терминология массово переходит в словоупотребление публицистики, печати, в повседневную речь образованных слоев общества. При этом значительная часть интернациональной терминологии и культурной лексики, выражающей общие понятия науки, техники, искусства, общественной жизни и связанной в европейской традиции с определением объема этих понятий, не имеет соответствий в русском языке.

В конце XIX в. в русском языке семантическая диффузность основной массы интернационализмов устраняется, завершается их дифференциация с ближайшими синонимами. Тем самым обуславливается незаменимость интернационализмов в лексической системе языка, их высокая адаптивность в семантико-стилистических системных связях русской лексики.

Подводя итог, отметим, что адаптационные модели пополнения интернационального состава лексики, получившие преимущественное развитие в XIX в., во многом и обеспечили благодатную почву для интенсификации процесса заимствования русским языком обильного количества новых слов и значений в XX и начале XXI в.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Харьков, 1972.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – 3-е изд. – М., 1982.
3. Калинин А.В. Лексика русского языка. – М., 1978.